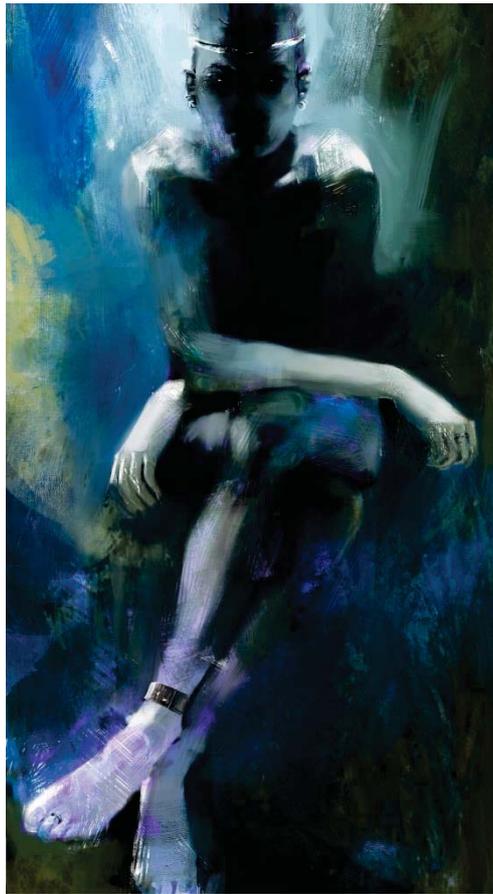

Магнитное поле мифа

рецензия на книгу Евгении Блинчик «Пропилеи»: сборник
художественной прозы и поэзии
(Симферополь : Ариал, 2019. 236 с.)

Артемида. Художник Екатерина Малинова.
Фрагмент оформления обложки книги Е. Блинчик «Пропилеи».
Предоставлено автором книги

С произведениями известного крымского прозаика-фантаста Евгении Блинчик автор этих строк знакома давно. Ныне же, держа в руках новую книгу автора — сборник рассказов и стихотворений «Пропилеи» — и получив представление о творчестве Евгении во всей его полноте и гармоничности, отметила немаловажные особенности.

Ряд рассказов — реалистичны, отражают просто нашу жизнь и её коллизии, но иные созданы в редком в Крыму жанре переосмысления мифа —

мифологической фэнтези. Автор этих рассказов переносит своих читателей в уже существующие в литературе и культуре миры – древние и современные мифы, предания, космогонические и социальные системы – и миры, выстроенные на них, как внешне, так и внутренне (психологически).

Чаще всего это мифология Древней Эллады, и ей посвящена первая проза-поэтическая¹ часть книги «ПроPILEИ». В рассказах «Просьба троянца», «И боги ошибаются», «Подарок», «Бог с чашей», «Когда она упала с неба», «Прометей» автор трансформирует этот устоявшийся и даже уже несколько навязший в зубах самый что ни на есть классический канон. И нередко в жанре фантастики-фэнтези...

...Боги и богини античности передвигаются на личных космолётах, те попадают в аварии или просто ломаются, нуждаются в ремонте — из-за этого боги могут испытывать трудности, как самые обычные люди. Или оказываются в весьма нестандартной ситуации: могут встретиться с теми, кого и не ждали, совершить подвиг или же роковую ошибку, проявить себя на новом месте и с новыми людьми, или, скорее, существами — ибо античный мир полон странных созданий вроде кентавров и сирен. Да и сами боги у автора — лишь антропоморфные ксеносы со своими особенностями внутреннего строения и жизнедеятельности, а от того и социальность у них, и мировоззрение, и сама душа-сердце-чувства очень отличаются от человеческих. Таков, например, рассказ «Подарок».

Нередко античные мифы, в переосмыслении автора, являются чем-то вроде философского, психологического, социального (а то и политического) трактата, но это не значит, что они бессюжетны. Ещё как захватывающи коллизии рассказов «Просьба троянца» и «Прометей»! Особенно ярок «Прометей» — это и есть живой учебник политологии, где нас через остросюжетные столкновения и борьбу характеров знакомят с теми самыми политтехнологиями, которые с древних времён ничуть, как видим, не изменились, а в наши дни стали разве что отточеннее. Увы, и в древности появление «мучеников за правду и справедливость» нередко было санкционировано самим правителем. В данном случае Зевсом, который не только разрешил, но и сам предложил Прометею стать «богоборцем», пострадать за это и в этом качестве завоевать славу, оставив о себе добрую память в умах людей. Не то же ли (по обоюдному согласию и к вящей выгоде

---

¹Поэтическую часть сборника составили стихотворения «Боги», «Геометрия Евклида», «...К Персефоне и Гадесу...», «Киниске», «Гигантомахия», «Артеми́с», «...Грозная дочь грозных микенских царей...», «К Афина и Марсию», «...Смеются музы за стеной...», «Мысли Ламбро Каччиони», «...Боги нагнали над Крымом холодные ветры...», «К барельефу „Грустящей Афины“», «К вопросу о судьбе Орфея (хулиганское)».

обеих сторон) происходит и сейчас в современной политике и многих иных сферах нашей жизни?

Главная героиня всех трёх означенных произведений — богиня Афина. Трактовки её образа можно углублять бесконечно — и особенно интересно это будет тем, кто знает античные источники гораздо шире тех адаптированных мифов, по которым обычно мы изучаем этот невообразимо многослойный культурный пласт. Возникает ощущение, что для автора рассказов фигура мудрой и прозорливой богини-воительницы — альтер эго, самый близкий душе и разуму античный образ, некий внутренний символ.

По классическим мифам мы знаем Афины как деву, да ещё и такую, что, защищая свою девственность, дарующую могущество, любого убьёт или же тяжко проклянёт. В древнейших же источниках можно узнать, что она была женой — причём последовательно, а то и одновременно сразу нескольких сильнейших богов, титанов и др. У неё были дети, в том числе и хтонические чудовища. Это отражает перемену мировоззренческих позиций самих создателей мифа — древних греков, — на протяжении веков. Смещение самих философско-символических понятий Дева и Мать (отражение матриархальных и патриархальных взглядов как на женское начало, его суть, силу, значимость, так и на саму Вселенную и её происхождение-строение-сущность), их противоречивость и глубинная близость прослеживается практически по всех мировых религиях и мифологических системах. Невольно хочется задать вопрос: а что именно разграничивает Деву и Не-Деву: взаимоотношение с мужским началом или всё же... материнство? И были ли официально объявленные таковыми в некоторых религиях Девы-Матери именно девами? Если дитя произведено на свет — разве не женщина ли уже его мать? И чем хуже — с точки зрения философии жизни — образ женщины образа девы? Не хуже — просто для каждого времени — своё.

Об этом кратко упомянут в мифологических словарях, мало что объясняя, а лишь создавая когнитивный диссонанс, заставляющий искать ответы. В привычных же сборниках мифов мы и вовсе об этом ничего не найдём. Однако прочтём в античных рассказах Евгении Блинчик — хотя и завуалированно, нечётко, но оттого не менее выразительно. В них Афина предстаёт в отношениях с самыми разными персонажами: богами, кентавром Хироном, Прометеем, даже людьми. Порой эти отношения платонические — чистая крепкая дружба, сотрудничество в учёных занятиях (Афина, древняя богиня мудрости, абсолютно чётко «входит» в образ женщины-учёного, занимающейся самого разного рода научными проектами мирозданческого масштаба, — тут у нас снова отголоски научной фантастики). И во всём этом — проявления древней хтонической сила той любви, которую сейчас

невообразимо сложно понять — Перволюбви, первоосновы всего. Такой, которая может порождать и чудовищ, и самое прекрасное: само Солнце, Землю, Звёзды, богов, народы... Это любовь всем существом: и телом во всей его ещё не забитой ханжеством природной силе, и могущественным духом, способным к Миротворению и Миропреобразованию. И не только Афина в этих рассказах такова — свои древние и вневременные загадки у Диониса, Артемиды, Аполлона, Хирона, Прометея, прорицателя Тиресия, героев Тесея, Беллерофонты и др., и многих авторских персонажей создателя «Пропилей».

Разумеется, и чтобы написать так, и чтобы понять всю аллегорическую глубину персонажей, мифологию нужно знать досконально — только на таком основании и можно трансформировать её и сотворять собственные мифы.

***

Вторая часть книги «Пропилей» — тематически разнопланова. В ней вы можете встретить и мифологию народов самых разных культур: Шумера, Ассирии, Финикии («Чем кормить ассирийского быка?»), пустынной Африки («Чернокожая сказка»), средневековых европейских легенд («Убить акушерку») «забористых» русских былин и сказок («Мастер волшебного слова», «Колобок-бэнд-бэмс-апс») и русской истории («Трёхсотпроцентная прибыль»), полуострова Крым с его неповторимой ментальностью (миниатюра «Симферопольские коты»). И всё ту же научную фантастику и фэнтези («История и лампочки», «Напев для Марса», «Время не может идти назад») и подлинно философские в своей противоречивости (и столкновении читательских мнений) произведения («Сюита Эразма Дарвина»), так тесно переплетённые с нашей жизнью, что вся она начинает казаться мифологичной, архетипичной и просто волшебной.

И опять же, едва ли столь полнокровно и живо можно написать, не будучи углублённой в само поле мифа, подобное полю магнитному; не изучая редких источников. Об этом говорят, в числе прочего, подробные глоссарии, прилагающиеся почти к каждому рассказу. И особенно насыщен знаниями (порой весьма и весьма новыми для большинства читателей) словарь к рассказу «Чем кормить ассирийского быка?». И правда, мир древней Месопотамии куда как далёк от нас, нам всё нужно объяснять на пальцах... и в то же время рассказ таков, что прочитывается на одном дыхании без заглядывания в словарь, а уже потом и хочется изучить подробнее и понять, «а что же это было?». Умеет автор возбудить любопытство и стремление к познанию!

Многие из рассказов Евгении я назвала бы маленькими повестями, настолько они насыщены сюжетными поворотами, яркой характерностью персонажей, мировоззренческими коллизиями, символами и аллегориями.

И порой говорить о них хочется очень подробно, забрасывая вопросами и автора, и самостоятельно раскрывая порталы её миров в их неповторимости.

Один из самых колоритных и по-настоящему жарких (и не только потому, что дело происходит в жаркой Африке) рассказов «Чернокожая сказка». Хотя определение «сказка», нам кажется, немного не соответствует духу произведения, — по сути, полноценному авторскому мифу, созданному на основе верований и представлений жителей африканского материка. И их необходимо знать досконально, и у автора это чувствуется, — только на этой основе можно создавать собственных персонажей, которых не отличить от подлинных богов и духов пустынных территорий этого загадочного континента.

Чернокожие боги в этом рассказе как-то особенно похожи на людей. По своему «развитию» они ничуть не выше тех племён, которые им поклоняются: боги живут в хижинах (даже светило, озаряющее мир, именуется Солнечной Хижиной), одеваются в те же одежды, что и люди, так же эти одежды, особенно праздничные, ценят, собираются вместе ради того, чтобы выпить вина и повеселиться. И на таких собраниях происходят самые банальные, самые что ни на есть человеческие ссоры — по причинам, не чуждым людям: зависти, злорадству, излишней насмешливости, примитивному интриганству. И в то же время, боги управляют стихиями, обладают магическими способностями (например, могут летать) и... правят людьми?

Это ещё вопрос, если люди этой авторской вселенной (так ли на самом деле у африканских племён — или иначе?) могут, в том случае, если под покровительством своего бога потерпели неудачу, поражение в войне, совершенно запросто этого бога отвергнуть, отказаться от поклонения ему — и взять себе в покровители бога победителей или более удачливых соседей. И брошенный бог остаётся один, «без племён» — что для него морально весьма мучительно, ибо он будет одинок, бессилён вплоть до беспомощности, подвергнут насмешкам других тщеславных богов, у которых «много племён», своих же соперников, ради которых его отвергли. Снова не могу не задаться вопросом: это авторская трактовка — или же в верованиях народов Африки и вправду есть вот такое простое и лёгкое отвержение «проштрафившегося», не угодившего людям бога? Такой без всякого сожаления переход к другому, более сильному? Такая вот духовная перемена перчаток? Ни в каких других религиях такого нет — обычно отказ от старых и принятие новых богов происходит сложно, многоярусно, затрагивая все стороны жизни, социальной сферы, психологии, самой ментальности народа. Да и чаще всего, если народ терпит бедствие, то вину за это принимает на себя: мы прогневали богов, надо лучше им служить, больше жертвовать... А тут!... Однако... и в других религиях

и мифологических системах существуют некоторые формы, так сказать, ритуального наказания «не угодившего людям бога», выражения ему, как сказали бы сейчас, своего «фе»; однако так явно, полагаю, больше нигде. Свободолюбивый, получается, народ — люди из этого рассказа.

Впрочем, и бог, лишённый племён, обретает завидную свободу. Ни за кого не отвечая, он может перемещаться куда угодно, уйти с кем угодно, как угодно менять свою жизнь, облик, сущность. Главная героиня рассказа — богиня Нижних (подземных) Вод, дочь Цаанга, — в этом смысле просто воплощение свободы, потому что у неё «никогда и не было племён». Она свободна в личном выборе, не пугает её ни одиночество, ни отвергнутость, ни даже кажущаяся «оторванность от коллектива» — точнее «стаи», как уместно было бы охарактеризовать собрание божеств, во многом ещё очень близких к животным. Эта независимость и даёт главной героине возможность истинной, глубинной мести за нанесённую обиду её предполагаемым супругом, верховным богом Энгаи, пожелавшим проверить, как она выдержит принижение, будет ли покорной женой. Смиряться гордая свободолюбивая богиня не пожелала. Она — воплощение протеста против законов «стаи».

Именно поэтому кажется странным, что у такой героини — единственной во всём рассказе! — нет собственного имени, её называют по отцу, который ею же и отвергнут ради собственного пути. Хотя, возможно, имя у героини отсутствует лишь в умах этой самой «стаи», долго отвечавшей игнорированием странной богини-одиночки. Да, индивидуалистов не любят нигде, в этом пустынные боги мало отличаются от людей. Однако не замечать таких вот отстранённых интровертов невозможно, ибо они таинственны и необыкновенно глубоки в своём особенном познании мира, — а это не может не привлекать. Но не может и не вызывать страха, желания устроить испытание, «проверку на прочность». В которой и проявляется истинная сущность — обеих сторон: как испытываемого, так и испытывающего.

Важный момент повествования в сказке о чернокожей богине: дочь Цаанга ради осуществления мести вступает в сделку с богом ветров. Тот отдаёт ей власть над ветрами в обмен на её «прекрасную чёрную кожу». Кажется, этот момент немного недораскрыт: зачем ему понадобилась означенная кожа (если он и сам чернокож, как все) — да ещё и настолько, чтобы лишиться тех единственных стихий, над которыми он властен, и отдать под управление богини подземных вод даже двух своих сыновей. То есть, бог становится абсолютно беззащитным и ничем не владеющим... но нам так и не объясняют, увы, в чём же столь великая ценность полученной им чернокожести героини.

Она же становится белой — то есть, в понимании чёрного мира, некрасивой. Однако, как мне кажется, символизм этой перемены куда более

глубок. Для многих древних верований и традиций белый — это цвет траура. Например, в Древней (да и современной) Индии траурными считаются именно белые одежды. Может быть, потому, что в древнейшие, доарийские времена основное население индийских территорий — дравиды — тоже было темнокожим, вплоть до черноты. И темноцветные люди воспринимали белый цвет как нечто абсолютно противоположное самим себе — и самой жизни. То же вполне возможно и для народов Африки. Возможно, став белой, героиня символически перешла на некий иной, более высокий уровень развития, с более выраженными оттенками чувств и способностью их выражать — оттого и требовательность к другим в этом смысле у неё стала выше. На что эти боги ещё не способны...

Если рассматривать преобразование героини «Чернокожей сказки» с такой точки зрения, то создаётся ощущение, что она не пережила своей обиды и буквально умерла. И теперь в сюжете действует не живое существо, а холодная потусторонняя сущность, бестия, навь — как сказали бы в готическом фэнтези. Сердце героини закрылось для человеческих чувств, она стала абсолютно безжалостной, одержима стремлением отомстить, добиться победы любой ценой?.. Нет! Это сердце по-прежнему живо, и его проявления не могут остаться незамеченным антагонистами — Энгаи и его свитой. Верховный бог по-прежнему хочет в жёны именно эту женщину, несмотря на её внешнее преобразование, — именно эта душа, характер, тайна не отпускают его. Он хочет не победить, а завоевать свою богиню.

Но, видимо, воевать эти боги умеют, а вот говорить — нет. Если бы между героями мог произойти разговор по душам, в котором всё было бы выяснено, тогда они смогли бы примириться. Но Энгаи попыток говорить с «возлюбленной» не предпринимает — не то чтобы не признаёт своей вины, но словно вовсе не прибегает к таким категориям мышления.

О, это неумение говорить, что донныне приводит человечество к самым непредсказуемым последствиям!.. Конфликт между героями, хотя и происходит в колоритном, живом, осязаемом африканском архаичном антураже, — современен. Это не только могучие боги, владетели стихий, повелители (пусть и странные) своего мира, но и просто мужчина и женщина, возможно, в весьма архетипическом проявлении своих сущностей.

Впрочем, не будет правильным свести рассказ к такой вот человечески межличностной простоте. Герои этого мифа — всё-таки не люди, они, в первую очередь, стихии, силы... И именно на этом уровне наиболее ярко проявляются их отношения. Энгаи — хотя и верховный, но вовсе не бог войны и уничтожения, напротив, божество весны, пробуждения природы, редкого для тех мест и недолгого цветения пустыни. То есть, он ближе к античному

Дионису, чем к Зевсу или Аресу, или же к скандинавскому Бальдру, нежели к Одину или Тору. И этим подчёркивается мысль, что для этих народов Жизнь, Пробуждение, Цветение — важнее, чем войны.

Дочь Цаанга, при всей своей ненависти к обидчику, не может не признавать красоты и значимости всего творимого её обидчиком — и, несмотря ни на что, приходит полюбоваться таинством Пробуждения — высшим проявлением дивного могущества Энгаи. И он, видя, что она смотрит, для неё хочет сделать всё ещё лучше, сотворить обновляющийся мир ещё прекраснее. Ах, если бы красота цветущей пустыни могла смягчить их собственные сердца! Увы... Каждый остаётся при своём, чтобы на простом личностном уровне (несмотря на участие в этом стихий) в дальнейшем вступить в безжалостное сражение. Но на уровне миротворения, движения жизни бог и богиня даже более чем понимают друг друга.

Вот такие сложные, порой неразрешимые противоречия стихийного и человеческого, божественного и земного, высоко символического и тривиально бытового можно встретить в книге Евгении Блинчик «ПроPILEИ». В ней ещё немало замечательных рассказов, которые способны захватить читателя и не отпустить его сердце долго.

Например, как уже говорилось выше, весьма противоречивые отклики читателей вызвал философский рассказ «Сюита Эразма Дарвина». Сложно передать суть вызванной этим произведением мировоззренческой антитезы без пересказа его сюжета. Однако именно такие творения, где нет чёткого указания на «добро» и «зло», «тёмное» и «светлое» и даже «живое» (символизирующее жизнь) и «мёртвое» (иллюзию жизни, подделку под жизнь) всегда вызывают наибольший интерес и бурю эмоций. Так и в этом рассказе: заподозрив некую «подделку под жизнь», главный герой решает проверить: а так ли это? Жизнь это или не-жизнь? И в результате испытания проверяемое просто исчезает, распадается, уходит в небытие. «Вот такое оказалось беззащитное «зло!» — восклицают читатели, с одной стороны. Другая же сторона считает всё произошедшее символом — избавления ото всех иллюзий жизни — не какой-то там фантастической, а нашей собственной, современной. Ведь никто не станет отрицать, что мы живём под гнётом огромного числа иллюзий, подделок-подделок, имитаций живого и настоящего — таков современный, техногенно и экономически переразвитый мир, где уже и не отличишь не то что живое растение от искусственного, или же животное (как в рассматриваемом рассказе), но даже и человека. Каков процент искусственного в нас самих — в телах и душах? Нужно ли безжалостно избавляться от этого в себе — или человек настолько привык к такому своему «составу», что, «очистившись» от многочисленных ментальных

и прочих «паразитов», уже не сможет жить, а очистив от этого мир, окажется в абсолютной пустоте? Очень сложное произведение, немало ставит вопросов и заставляет размышлять мучительно над поиском ответов... о нас самих.

Это уже не фантастика, не фэнтези – это нечто из разряда современной художественной философии, которая только тогда и живет по-настоящему, когда заключена не в научные трактаты и постулаты, а в художественное слово. «Мастер волшебного слова» – это художник-писатель, в какой-то мере и поэт, даже если пишет без рифмы, даже если вообще не пишет, но мыслит свободно и ярко и умеет сказать – недаром главный герой рассказа с таким названием способен преобразовывать даже Вселенную.

Марина Матвеева

Об авторе книги

Блинчик Евгения Леонидовна, 1970 года рождения. По профессии – врач-психиатр, 15 лет заведовала детским психиатрическим отделением.

Занималась исторической реконструкцией, неоднократно принимала участие в показательных выступлениях. Увлекается мифологией Древней Греции, участвует в фотовыставках, пишет фантастическую литературу.

~